

ПОЗДРАВЛЯЕМ
С ЮБИЛЕЕМ!

Поздравляем
с 80-летним
юбилеем Юрия
Николаевича
Столярова,
знаменитого
российского
библиотековеда,
доктора
педагогических
наук, Ученого
и Учителя

Ю.Н. СТОЛЯРОВ,
главный научный
сотрудник Научного и
издательского центра
«Наука» Российской
академии наук, доктор
педагогических наук,
профессор

ВОПЛОЩЁННАЯ МЕЧТА БЫТЬ ЧИТАТЕЛЕМ

*Памяти
незабвенной Натальи Евгеньевны Добрыниной
посвящаю*

Предлагаемые вашему вниманию воспоминания я написал в 2015 году по личной просьбе выдающегося библиотековеда и очаровательного человека – доктора педагогических наук Наталии Евгеньевны Добрыниной (1931–2015), много лет изучавшей проблему руководства детским чтением. Она более 60 лет проработала в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина / Российской государственной библиотеке. Будучи отменным социологом и проводя исследования в масштабе всего Советского Союза, а затем Российской Федерации, она владела богатейшим репрезентативным статистическим материалом, собранным на протяжении нескольких десятилетий, одновременно изучала чтение своих собственных детей, а впоследствии – внучат. По этой теме она опубликовала множество статей и несколько книжек, одна из которых вышла в издательстве «Школьная библиотека».

В конце своей жизни Н.Е. Добрынина решила написать книгу читательских биографий нескольких поколений своей семьи – от прадеда до правнуков, чрезвычайно интеллигентных людей с богатыми читательскими пристрастиями. Не знаю почему, но она решила добавить к этому раздел «Из читательских автобиографий родных и друзей», включающий в себя тексты, написанные людьми разного возраста и различных профессий. Так в эту симпатичную компанию довелось попасть и мне. Книга была почти готова, когда милейшей Наталии Евгеньевны не стало – она скоропостижно умерла в начале сентября 2015 года.

Усилиями её родственников и сослуживцев «Книга. Чтение. Библиотека в семейном интерьере» всё же была выпущена; мои воспоминания увидели свет¹. Пока книга готовилась к печати, моё эссе заинтересовало журнал «Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии»², в котором Н.Е. Добрынина вела рубрику читательских биографий. Статья удостоилась лестных слов со стороны видного специалиста в области библиотечного читателеведения, профессора М.Я. Дворкиной³. Мои воспоминания привлекли внимание и Научной библиотеки Челябинского государственного института культуры: они сделали по нему оригинальную презентацию.

За разрешением опубликовать мои воспоминания обратилась ко мне и «Школьная библиотека», с которой Наталья Евгеньевна тесно сотрудничала. Такая неожиданная популярность меня несколько смущает, поскольку это не научное, а чисто личностное произведение. Однако, коль скоро есть желающие ознакомиться с этим штрихом моей читательской

¹ Столяров Ю.Н. Хочу быть читателем / Ю.Н. Столяров // Добрынина Н.Е. Книга, чтение, библиотека в семейном интерьере / Н.Е. Добрынина. – Москва : Канон, 2016. С. 203–214.

² То же: Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. 2016. № 3. С. 55–58.

³ Дворкина М.Я. Книга, чтение, библиотека в семейном интерьере (к 85-летию Н.Е. Добрыниной) / М.Я. Дворкина // Румянцевские чтения — 2017 : материалы междунар. научно-практ. конф. 18—19 апреля 2017 г. Москва : Пашков дом, 2017. С. 150–151.

биографии, я охотно соглашаюсь на расширение известности о ней.

Написанное два года тому назад я, говоря словами Пушкина, «пересмотрел всё это очень строго», убедился, что недостатков «очень много, но их исправить не хочу». Кое-что слегка поправил, добавил детали, которые могут, по моему разумению, заинтересовать школьных педагогов-библиотекарей, так что получилась в ряде отношений новая работа.

Моя читательская биография началась в самом раннем детстве. Оно пришлось на военную пору. Как именно я выучился читать, толком не помню, но зато отлично осталось в памяти, что я страстно желал пойти учиться. В мои времена в первый класс принимали с восьми лет. Восемь лет мне исполнилось в конце октября 1945 года, то есть в первый класс мне положено было поступать в 1946 году. Однако со слезами я добился того, чтобы меня отвели годом раньше.

Чтобы меня пощадить, родители условились с учительницей: пусть я похожу дня два-три. Потом мне надоест, и я сам запрошу отставки до будущего года. Чтобы побыстрее отвалить от школы, на первом же уроке учительница вызвала меня к доске и велела прочитать предложение из какой-то серьёзной книги для взрослых. Не подозревая подвоха, я прочитал несколько абзацев. Что тут сложного, если я до поступления в школу уже несколько раз прочитал невероятно интересный «Детский календарь» на 1946 год (он и сейчас составляет реликвию моей личной библиотеки), который родители купили всем нам (у меня было две сестры, одна старшая, другая младшая, теперь их на этом свете уже нет). После этого мне было предложено пересказать содержание прочитанного. Я пересказал как понял, своей трактовкой вызвав её снисходительную усмешку.

После занятий учительница ни с того ни с сего подарила мне цветной карандаш и велела дома рисовать им всё, что захочу, и ради этого можно даже завтра не приходиться в школу. Почему я получил задание иное, чем остальные, я не понял, да и не вдавался в это. Карандаш был замечательный. Такого карандаша не было ни у кого. Ни у кого на свете! Карандаш был удивительный. Во-первых, он был толстый. Во-вторых, у него были красные лакированные

плоскости, а шесть граней белые. Такого чуда просто невозможно себе вообразить. Но и это ещё не всё и даже не главное. Главное состояло в том, что карандаш был двуцветный: с одного конца синий, а с другого красный – ну мыслимо ли это себе представить!

Дома невесть откуда взялись несколько разрозненных листочков из ученических тетрадей (над странностью этого обстоятельства думать было некогда), и я тут же опробовал изумительный карандаш в деле. Красным я изображал красноармейцев, синим – немцев (я не помню, чтобы у нас в ходу было слово «фашисты»). Немцев я рисовал кое-как, нарочито маленькими, сгорбленными, танки у них выходили маленькие и все подбитые, либо вообще без башен, а ружья у солдат короткие и кривые. Зато советские солдаты были в два, а танки – в три раза крупнее, винтовки у наших были прямее и длиннее. Всё это извергало красное пламя (у немцев – синее), врагов на поле боя валялось очень много, а наших – ни одного! Рисовал я до глубокой ночи, и никто меня не останавливал. Перед сном восхитительный карандаш я спрятал как мог надёжно, чтобы он и дальше помогал мне косить фрицев.

Наутро встал раньше мамы (она, как видно, рассчитывала, что я просплю), на занятия пришёл вовремя, чем вызвал неудовольствие учительницы. Вернувшись домой, первым делом проверил, на месте ли драгоценный карандаш. Увы, он пропал! Куда он мог подеваться? Ведь я нашёл ему такое надёжное место! Сказать об этом было невозможно: как бы не влетело, что не уберёт такой чудесный подарок. Родители к тому времени про него совсем забыли, но у взрослых всегда какие-то непонятные заботы. Теперь-то я подозреваю, что карандаш вернулся к своей хозяйке, а тогда я просто молча горевал из-за его необъяснимого исчезновения.

Одним словом, отлучить меня от обучения не вышло. Учился, особенно в начальных классах, с большим увлечением – при том что ни учебников, ни бумаги и других школьных принадлежностей не было, и не только потому, что к школе меня не готовили. Время было такое: всё для фронта, всё для победы! Победа случилась в мае, и за несколько месяцев стране перейти на мирные рельсы было нелегко. Помню, что моя одноклассница (ходила из

соседней деревни) через несколько дней занятий принесла в школу новый букварь. С картинками! Этим она потрясла всех, включая учительницу первую мою - Екатерину Павловну Соловьёву. Весь класс сгрудился возле пахнущей чем-то неземным книжки, и учительница спросила, как это Нюше удалось стать обладательницей столь бесценной вещи. «Мамка продала телушку и купила букварь», – просто объяснила соученица. А ведь из «телушки» вскоре выросла бы корова – кормилица для всей многодетной семьи, в которой отец пал смертью храбрых. За один урок мы с помощью учительницы прошли едва ли не полкниги. Ещё бы – на каждой странице картинки, и объяснено всё так понятно!

Писали мы на использованных газетах, самодельно сложенных в виде тетрадей и по сгибу прошитых нитками. Нам с самого начала сказали строго-настрога ни в коем случае не писать по портретам Сталина, а они попадались то и дело. Чернила сквозь газетную бумагу промокали, писать можно было между строк и только с одной стороны газетного листа. Да и под него надо было подкладывать использованную бумагу, чтобы чернила не переходили на другую страницу. Перо то и дело спотыкалось о шершавую бумагу, разбрызгивая кляксы. За них снижали отметки, что было досаднее всего.

В школу я ходил с настоящей холщовой сумкой от настоящего противогаза, чем невероятно гордился. Обувью служили гигантские солдатские кирзовые сапоги. Ими можно было пинать всё, что попадётся под ногу, и в этом состояло их самое главное преимущество. Глупые взрослые думали, что на дороге валяются обычные камешки, комки смёрзшейся земли и конского навоза. На самом деле это были вражеские гранаты, мины и снаряды; я победоносно расправлялся с ними на всём пути в школу и обратно. В остальном сапоги меня радовали мало: в них было невозможно бегать, и к тому же они были худые, я приносил в них содержимое всех встречавшихся по пути луж, глубину которых обязательно требовалось измерить. Сушились они на русской печке, но к утру всё же были сырами, хоть и тёплыми. Зимой поначалу дело стало ещё сложнее. Валенки у меня не было, к школе готовили только старшую сестру. Нина училась во втором классе и вместе с четвероклассниками ходила во вторую

смену к той же самой учительнице и в то же самое помещение, где с утра до обеда занимались вместе мы, первоклассники, и третьеклассники. Утром я шёл в школу в новеньких тёпленьких валеночках размером прямо по ноге. После занятий мы с сестрой встречались на полпути, валенки я снимал и передавал ей, а сам по снегу бежал домой. Моё положение было выигрышнее, чем её: Нине приходилось спешить босой в гору, тогда как мне – резво скакать под гору.

Вместо шапки у меня был настоящий лётчицкий шлемофон – весь такой круглый, из дублёной овчины. И всё бы хорошо, но у него было два существенных недостатка. Во-первых, по воинскому уставу к нему не положено прикреплять красную солдатскую звёздочку (а у меня эта драгоценность была!). Без неё вся военная прелесть головного убора пропадала. Во-вторых, из-за необъятного размера его надо было непременно поддерживать одной рукой, иначе он налезал не только на глаза, но и на нос. Выглядел я в этом шлемофоне нелепо, и, чтобы избежать нагоняя, надевал его только подходя к дому. Или завидя встречного: ходить с непокрытой головой не было принято даже летом – тогда пределом мечтаний была кепка-восьмиклинка. Зато обувь была без нужды: тепло же, мы по ягоды-грибы ходили босиком даже в лес.

Пишу обо всём этом, чтобы современники представляли, как доставалось знание нашему поколению. И всё равно вспоминаю то время с ностальгией и многое бы отдал, чтобы туда вернуться.

Когда меня, как и всех малышей, взрослые спрашивали, кем я хочу быть, когда вырасту, я, не задумываясь, гордо выпаливал: «Читателем!» Читателем в конечном счёте я фактически и стал, ежедневно прочитывая десятки страниц рукописей, статей, диссертаций, студенческих работ и так далее.

Но предшествовало этому чтение немногих художественных книг из семейной библиотеки. Отец по профессии был инженером и одновременно учителем физики, математики, черчения, соответствующую тематику имели и собираемые им книги. К ним я был равнодушен, да и он строго следил, чтобы в его книгах никто не копался.

Но был в нашем фонде и довоенного издания большеформатный том основных

произведений Гоголя, и напечатанные ещё по дореволюционной орфографии разрозненные тома Тургенева, Писемского и других классиков. Вот их-то я запоем и читал, мало что понимая. Манила неведомая жизнь, невероятные герои, их переживания и вообще что-то необычное, чего мы были полностью лишены в своей серой обыденности. Как-то на чердаке под застрехой соломенной крыши нашёл два-три томика книг, набранных церковно-славянским шрифтом. Среди них – «Молитвенник» и «Закон Божий» (кстати, сегодня я могу судить, что с дидактической точки зрения «Закон Божий» – я его сохранил – эталон учебной литературы, он составлен безупречно, так что легко заткнёт за пояс любой современный учебник по любому предмету) в синем переплёте. Последняя книга была вручена отцу, когда он учился в церковно-приходской школе, за успехи в учёбе и прилежание. Как я понял, книга эта, а также, по-видимому, и другие такого рода, были отцу дороги, но он опасался держать их среди других своих книг. Если найдут при обыске, будет отговариваться тем, что он о них не знал, хотел выбросить, да забыл, и т. д.

Во всяком случае, я, несмотря на свой малый возраст, чувствовал, что заговаривать с ним об этих книгах нельзя, опасно. Тем более что он учитель, и обвинение в политической неблагонадёжности для него и для всей нашей семьи было бы катастрофическим. Наверное, именно поэтому нас, детей, постоянно настраивали, чтобы мы никому не передавали домашних разговоров, потому что кругом враги, они всё подслушивают и всё перевирают. В таком страхе, думаю, жили все. Поверить во врагов было очень легко: вот же они, коварно напали на нашу Родину, бомбили наши окрестности. Вой гитлеровских самолётов, визг падающих бомб, взрывы снарядов стоят у меня в ушах по сейчас, и животный ужас – это первое и немного, что врезалось в память с трёхлетнего возраста. Мы врагов только что, конечно, победили, но сколько их ещё затаилось, только и выжидают возможность напасть на хорошим советским людям.

Был ли отец верующим? Сомневаюсь, хотя в детстве, судя по его рассказам, он был помощником церковного звонаря и тем немного помогал своей семье, в которой

рос. Помню только, что он любил читать наизусть М.Ю. Лермонтова: «В минуту жизни трудную, || Теснится ль в сердце грусть, || Одну молитву чудную || Твержу я наизусть». На моё укоризненное замечание он разъярился: Лермонтов – великий русский поэт, и если бы, мол, у меня был томик его стихов, я дал бы тебе его почитать, ты бы в этом убедился сам. «Странно,— возразил я, – великий поэт, а написал молитву». «А тогда все были верующими, --- пояснил отец. — Ленин и Сталин ещё не родились». Такое объяснение примирило меня и с Лермонтовым, и с отцом. С тех пор, прежде чем кого-то критиковать, я сначала пытаюсь найти объяснение его поступкам или поведению. Так что педагогом отец был, по-видимому, неплохим. Соответствовал отзывам о себе со стороны.

Году приблизительно в 1949-м у нас при сельском совете открылась библиотека, и я пошёл в неё записываться прямо в первый же день её работы. На вопрос «Ну что же, мальчик, ты хотел бы прочитать?» ответ у меня был припасён заблаговременно. Разумеется, читать надо книги хорошие. А ещё лучше – талантливые. Да чего размениваться на талантливые, когда есть книги гениальные. Каждый день по радио (чёрная бумажная тарелка, которая висела на стене и никогда не выключалась) говорили о гениальных трудах товарища Сталина, а ни одного из этих трудов мне читать не доводилось.

– Я хочу прочитать гениальные труды товарища Сталина!

После немой сцены библиотекарь осторожно поинтересовалась:

– И какой же конкретно труд ты хотел бы прочитать?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Во-первых, потому, что на их заглавиях я как-то не заикливался. Во-вторых, какая разница, если любой из них гениальный? Почему я должен выбирать какой-то один? Поэтому после небольшого замешательства я уверенно выпалил: – Все!

Новая немая сцена. После неё библиотекарь с опаской сняла с полки только что изданный, никем не читанный первый том избранных сочинений И.В. Сталина и записала сведения о выдаче себе в тетрадку.

– Только смотри не потеряй, это очень ценная книга.

Могла бы и не предупреждать: я и сам понимаю, что гениальные труды – они же и самые интересные, а значит, и ценные.

Я не стал убирать эту книгу в настоящую зелёную противогазную сумку, а прижал к груди первой сторонкой пурпурного переплёта наружу и так шёл – целый километр – в расчёте на то, что встречные поинтересуются что это за книга и откуда я её несу. К сожалению, никто с таким вопросом меня не остановил.

Дома я вцепился в эту книгу раньше, чем сел за выполнение уроков. И ничего не понял... Просто-таки совсем ничего! И это называется – гениальный труд? Обескураженный, я отложил том в сторону и принялся за домашние задания. Книгу вернул на следующий день. На изумлённый вопрос «Что, уже прочитал?» я расплакался и признался в своём провале. Библиотекарь (настоящий профессионал!) меня утешила:

– Это ты просто ещё не вырос. А ты любишь книжки о животных?

– А разве есть такие книжки?

– Ну вот, например, рассказы Бианки. Давай я тебе её запишу, а завтра ты обязательно зайдёшь и скажешь, понравилась ли. Если не понравится, дам другую.

Книга мне понравилась невероятно, и я постепенно перечитал, наверное, почти все книги из этой библиотеки. Там была неплохо представлена и классика русской литературы, и тогдашние новинки – «Белая берёза», «Далеко от Москвы» и другие. Эти знания потом меня... подвели. На выпускном сочинении я выбрал свободную тему – «Мой любимый писатель». Честно и вдохновенно я написал длинное сочинение о произведениях М.М. Пришвина, который в 9–10-м классах меня просто покорило, и я прочитал все его избранные произведения. Поставили мне, однако, всего лишь четвёрку и дали понять, что любить следовало либо Островского, либо Горького, либо Фадеева, либо Маяковского.

После окончания школы я поступал на филологический факультет МГУ – не престижа ради, но просто потому, что о существовании других вузов не подозревал. А о том, что в университет шёл учиться с Севера пешком Ломоносов, знал. Там я недобрал нужного количества баллов. Конкурс был колоссальный,

а мне за сочинение по «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева поставили четвёрку за то, что я написал: «Жестокие помещики пороли невинных крестьян», а проверяющий усмотрел в этом грубую ошибку, разъяснив мне, что невинными бывают девушки, а о крестьянах следовало выразиться как о ни в чём не повинных.

По настоянию отца, к гуманитарному образованию относившегося скептически, хотя выбору моему он не препятствовал, я начал готовиться к поступлению на физмат. Для этого перерешал все задачи из сборника по алгебре П.А. Ларичева, в котором были собраны задания для абитуриентов из разных престижных вузов. В свободное время продолжал увлекаться чтением художественной литературы и даже из неоконченных ученических тетрадок смастерил блокнот, в который решил для интереса записывать прочитанные произведения. Блокнот по счастью сохранился, и вот что в нём содержится за 1956 год:

- Д. Гранин. Искатели;
- М.А. Шолохов. Поднятая целина;
- Глеб Успенский. Нравы Растеряевой улицы. Разоренье;
- И.Л. Орестов. Холодный свет;
- Я.И. Перельман. Занимательная физика;
- Памятка по защите от атомного оружия;
- А. Фадеев. Молодая гвардия;
- П.М. Мусьяков. Сигнальщик;
- Джек Лондон. Рассказы;
- Г. Уэллс. Человек-невидимка;
- Л.Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича;
- Г. Келлер. Сельские Ромео и Джульетта;
- В.А. Каверин. Два капитана;
- К. Чапек. Как это делается;
- Выступления на XIX и XX съездах КПСС А.И. Микояна, Д.Т. Шепилова, Н.С. Хрущёва;
- А. Барбюс. Огонь (Дневник взвода). Правдивые повести. Статьи и речи. Письма с фронта;
- М.Е. Салтыков-Щедрин. Повести и сказки;
- Б.Л. Горбатов. Донбасс;
- М. Горький. Трилогия;
- М. Георгиев. Мелом и углём;
- Л.Н. Толстой. Анна Каренина.

Кроме того, постоянно читал журналы «Вокруг света», «Огонёк» и «Крокодил». На 71-й записи перечень обрывается: стало не до фиксирования прочитанного, пора было снова ехать с документами в Московский университет.

Анализируя этот круг чтения, сегодня могу сказать, что макулатуры в моём чтении было мало. Да и фонд сельской библиотеки был подобран, по-видимому, неплохо. В основном я самообразовывался на хорошей русской и зарубежной классической литературе. Следил и за современной. Особенно большим подспорьем была выходившая в ту пору «Роман-газета». Выпускалась она на плохой газетной бумаге, имела неудобный большой формат, но зато сильно выигрывала в оперативности, тиражах и дешевизне. В ней печатались самые современные романы, в особенности представленные к Сталинской премии.

Возвращаюсь к выбору профессии. На какой факультет поступать, если везде конкурс 12–15 человек на место? Чтобы на сей раз осечки с поступлением не возникло, я решил перехитрить всех абитуриентов и подать документы на астрономическое отделение физико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вряд ли, думаю, кто знает о таком отделении. А если и знают, ну, кому придёт в голову поступать на астрономический – только таким же немногим чудачкам вроде меня. А работа ожидает и лёгкая, и интересная: смотри себе в телескоп на звёзды да подсчитывай их. В школе мне очень нравились картинки в учебнике астрономии и фамилия автора – Воронцов-Вельяминов⁴,

⁴ Борис Александрович Воронцов-Вельяминов (1904–1994) – астроном, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, из древнего дворянского рода Воронцовых-Вельяминовых. Автор трудов по истории астрономии, монографии «Очерки истории астрономии в России», биографии Лапласа, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Его «Очерки о Вселенной» выдержали восемь изданий. Он автор учебных пособий по астрономии, в том числе учебника для средней школы, выдержавшего большое количество изданий на протяжении более чем 30 лет.

а не какие-нибудь Рыбкин⁵, Киселёв⁶ или Пёрышкин⁷, хотя в своём суждении о них

⁵ Николай Александрович Рыбкин (1861–1919) – замечательный русский математик-педагог. После окончания Московского университета в 1883 г. начал педагогическую деятельность в частном реальном училище. Свыше 20 лет работал в различных учебных заведениях Москвы, таких как Лазаревский институт восточных языков, Московская практическая академия коммерческих наук – лучшее в начале XX века учебное заведение для подготовки деловых людей. Им написаны «Сборник геометрических задач на вычисления» (1890), «Сборник стереометрических задач, требующих применения тригонометрии» (1892), «Сборник тригонометрических задач» (1895), много раз переиздававшиеся. Наше поколение училось по этим задачкам. Обычно они использовались совместно с учебниками А.П. Киселёва.

⁶ Андрей Петрович Киселёв (1852–1940) – русский и советский педагог, «законодатель» школьной математики. Наиболее известен благодаря своим учебникам по математике для средней школы. После окончания со степенью кандидата физико-математического факультета Петербургского университета по математическому разряду (1875) преподавал математику, механику и черчение в только что открывшемся Воронежском реальном училище. Затем – в Курской мужской гимназии и, наконец, в Воронежском кадетском корпусе. В 1918–1921 годах преподавал математику в Воронежском институте народного образования, на педагогических курсах, высших командных курсах. С 1922 года жил и работал в Ленинграде. Похоронен в Петербурге на Волковом кладбище, рядом с могилой Д.И. Менделеева. Андрей Петрович был не только талантливым учителем, автором учебников, но и блестящим лектором. Как заметила заместитель директора Государственной научной педагогической библиотеки им. К.Д. Ушинского Л.Н. Аверьянова, «А.П. Киселёв – это эпоха в педагогике и преподавании математики в средней школе. Его учебники математики установили рекорд долговечности, оставаясь свыше 60 лет самыми стабильными учебниками в отечественной школе, и на многие десятилетия определили уровень математической подготовки нескольких поколений граждан нашей страны». Один из крупнейших математиков XX века, академик А.И. Арнольд был убеждён, что современной школе следовало бы вернуться к его учебникам.

⁷ Александр Васильевич Пёрышкин (1902–1983) – профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена

только по таким же плебейским фамилиям, как моя, я глубоко заблуждался.

Но только на сдачу документов на это отделение стоял длинный хвост желающих, а в очереди я услышал разговор: «Конечно, в МГУ, да хоть на любой факультет, простому смертному не попасть. Это же тебе не Библиотечный институт, куда никого калачом не заманишь». Услышав эти слова, я, ещё ушам своим не веря, что есть такой институт, тихо утёк из этой очереди (вдруг придётся возвращаться) и в ближайшем справочном бюро на площади перед высотным зданием Университета, не пожалев четыре копейки, – а отдал бы и больше! – получил и адрес Московского библиотечного института, и маршрут.

Справочных бюро в Москве было много. Они представляли собой характерные такие сооружения – небольшую, только чтобы поместиться одному человеку, цилиндрическую будку с конусной крышей. Всё ещё глазам своим не веря (как может быть Московский институт не в Москве, а в лесу?), поехал на электричке в сторону Химок, вышел на платформе «Левобережная» (Левый берег канала Москва-Волга) и, продолжая сомневаться, по просёлочной тропке добрался до единственного в посёлке четырёхэтажного здания, в котором располагался Институт. Тут я попал в ещё более длинную очередь! Популярность высшего образования была невероятной, конкурс во все вузы был очень высокий, но гуманитарные пользовались наибольшим успехом. Конкурс в пятнадцать человек на место меня не испугал. Да хоть пятьдесят, хоть сто! Я всё равно хочу учиться только здесь!

За сочинение я получил пятёрку. Из всего потока в несколько сотен человек пятёрок было только

Ленина и Октябрьской революции, автор учебников по физике для средней школы. Александр Васильевич был деканом физического факультета и заведующим кафедрой методики преподавания физики Московского государственного педагогического института. «По Пёрышкину» — по книгам, написанным им лично или в соавторстве, – учились все поколения советских школьников. Издаются они и в XXI веке. Как выразился профессор Н.Н. Малов:

Всю жизнь учебники писал,
По ним, сказать не побоюсь,
Училась физике вся Русь.

две. Вторую получила моя будущая жена, она-то, собственно, и обратила тогда внимание на второго отличника. Всем моим однокашникам сильно повезло с преподавателями курсов литературы и истории. Ими были, в основном, талантливые педагоги, несправедливо изгнанные из более престижных вузов за так называемый космополитизм. А у нас программы по этим предметам мало уступали филфаковским и истфаковским. Мои наставники научили разбираться в литературе, критически оценивать читаемое. Только из одной нашей группы профессиональными поэтами вышли Александр Екимцев (его именем названа краевая детская библиотека в Ставрополе) и Владимир Богатырёв – многолетний секретарь Московской городской писательской организации Союза писателей СССР/России.

Мне, по-видимому, был свойствен критический склад ума, так что сокурсники за глаза прозвали меня Белинским. Очень часто они подначивали меня в начале семинарского занятия задать какой-нибудь вопрос преподавателю и затеять дискуссию, так чтобы времени для опроса осталось совсем мало. Как бы то ни было, но учиться мне было интересно. Иные преподаватели и через десятки лет, случайно оказавшись в вузе, узнавали меня, чем приводили в немалое смущение. Чтобы облегчить себе жизнь, я записался в лыжную секцию, потому что там выдавали лыжный костюм и лыжные ботинки, так что проблема с приличной одеждой решалась на раз. Как и другие сокурсники, ночами подрабатывал на разгрузке вагонов. Перед летними каникулами 1957 года долго мучился: остаться ли в Москве, где должен был состояться Международный фестиваль молодёжи и студентов, или поехать на целину – посмотреть, что это такое, да и подзаработать на пропитание. Пересилило второе соображение.

Впрочем, пропущу полвека своей жизни и кратко скажу о себе сегодняшнем как читателе. Уже упоминал, что я автор научных и популярных трудов, читающий лекции профессор, научный консультант докторантов, руководитель аспирантов (общее их число составляет пятьдесят) и член восьми редколлегий и редсоветов наших профессиональных периодических изданий, включая «Школьную библиотеку». По роду занятий вынужден поэтому читать очень много научной литературы.

Она идёт непрерывным потоком в течение всего учебного года, и ещё многое остаётся на отпускное время. Когда от такого чтения становится невмоготу, я переключаюсь на свою любимую художественную и историческую литературу. Здесь я практически всеяден: от Лермонтова, Гоголя, О. Генри или Владимирской летописи могу спокойно перейти к Стивену Кингу, Александру Бушкову или мемуарам, стихам кого-нибудь из своих знакомых, людей пишущих и свои творения мне дарящих. Чаще же всего читаю всё это одновременно или попеременно.

Академик Л.А. Арцимович определил науку как хобби, реализуемое за счёт государства. В этом шутовском афоризме заложена правильная мысль: занятия наукой осуществляются по законам свободного времени. И если у кого-либо это происходит иначе, т. е. по принуждению, хотя бы и собственному, серьёзным учёным ему не быть. В ряде случаев мне затруднительно определить грань между чтением производственным и досуговым. Подчас приходится читать бездарную научную работу и развлекаться безграмотным слогом, отсутствием языкового чутья, демагогичностью рассуждений и лишней раз удостоверяться в том, что пустая бочка действительно громче звенит. Ничего не оставляя ни уму, ни сердцу, такая работа только веселит и разгружает мозг для действительно глубоких научных трудов.

Бывает, причём гораздо чаще, и иное: когда на новые научные мысли наталкивает чтение художественного или просто непрофильного произведения. Начинается обычно с какой-нибудь простенькой, а то и ёрнической мысли для развлечения ума. Если, например, «Евгений Онегин» — это, как всем известно, энциклопедия русской жизни, то в этой энциклопедии должно быть что-то сказано о книге, о чтении. Начинаешь читать под этим углом зрения и приходишь к открытию: батюшки, да ведь весь роман — не о чём ином, как о книжной культуре! В самом деле, в романе фигурирует поистине огромное, не встречающееся больше ни у кого, ни до, ни после Пушкина, да и у него самого в других произведениях, количество имён и произведений писателей, учёных, общественных деятелей разных стран. Другая особенность произведения — его чёткая и тем не менее наводящая на вопросы структура.

В первой главе Пушкин знакомит читателя с главным героем, и из этого можно заключить, что Евгений Онегин — законченный, сложившийся англоман, самообразовавшийся на английской художественной и научной литературе. Во второй главе мы знакомимся с Владимиром Ленским. И с первых же строк выясняется, что он вернулся из Германии, полностью впитав немецкую книжную культуру. Пушкин подводит нас к мысли, что, в отличие от Онегина, Ленский — убеждённый германofil. Затем Пушкин представляет читателю семейство Лариных. Представление это строится на отношении каждого члена семьи к книге и чтению. С этой точки зрения отец и мать Ларины, а также их дочь Ольга в книжно-культурном отношении не образованны. Интересы для сюжета они явно не представляют и потому довольно быстро уходят со страниц романа. Иное дело — Татьяна. Ей посвящена отдельная глава. Русская душой, как её аттестует автор, Татьяна, однако, воспитана исключительно на французской книжной культуре. По героям французских романов она стремится понять натуру Евгения Онегина, пленившего её душу.

Понадобилось всё это автору для того, чтобы столкнуть героев — русских дворян, но носителей чуждой для отечества книжной культуры, и посмотреть, что из этого получится. Столкновение англомана Онегина с германofilом Ленским приводит, как известно, к трагедии. Попутно оказывается безжизненной и коллизия германфила Ленского с пустышкой в книжно-культурном отношении Ольгой. Столкновение английски книжно-культурно ориентированного Онегина с представительницей французской книжной культуры Татьяной заканчивается драмой, причём дважды: сначала она произошла по инициативе Татьяны, в конце романа — по инициативе Евгения.

Осмыслив роман в таком ключе, начинаешь понимать его главную идею: «Да на чужой манер хлеб русский не родится». Эта идея была исключительно важна для Пушкина. Приведённые слова князя и писателя Александра Александровича Шаховского А.С. Пушкин процитировал в повести «Барышня-крестьянка» при характеристике помещика Григория Ивановича Муромского. Этот помещик развёл

«английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты английскими жокеями. У дочери его была мадам англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе: но на чужой манер хлеб русский не родится, и несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги».

Русскому человеку не следует оглядываться на иноязычную книжную культуру: это приводит только к отрицательным последствиям при любой комбинации этих культур, искусственно внедряемых в русскую культурную почву. Нам нужна собственная книжная культура – вот к чему приходит Пушкин после всестороннего исследования этой проблемы. Поскольку такая культура отсутствует, Пушкин начинает писать прозу сам, открывая своим творчеством золотой век русской литературы и русского искусства. Прямая сюжетная линия романа – лишь самый верхний пласт среди всего множества глубинных пластов и смыслов, содержащихся в этом произведении.

Или задумался я как-то над таким столь же распространённым, сколь и странным сюжетом русских народных сказок: Иван – между прочим, дурак – идёт или едет, как и положено, куда глаза глядят. И наезжает на столб. А на столбу *написано* – неважно что, но ведь написано! И Иван-дурак это написанное свободно *читает*, причём за тысячу лет до Кирилла и Мефодия! Начинаю читать другие сказки – и что же? Тема книги, грамотности, чтения встречается в каждой пятой русской народной сказке. Да ведь это же открытие! А как выглядит эта тема у более книжных, как считается, народов – у иудеев, персов, арабов, китайцев и т. д.? Значит, читаю сказки других народов мира и веду статистику упоминаний книги и чтения, отслеживаю характер письменных источников, т. е. выхожу на целое новое книговедческое направление! Уже отработал (или просто прочитал ради удовольствия – поди разберись) сказки восточных народов, Кавказа, Севера, южных и некоторых западных славян и т. д.

От сказок перехожу к былинам – и там вижу поголовную грамотность всех былинных героев, будь то Добрыня Никитич – управляющий делами князя Владимира, Илья

Муромец – возведённый в ранг святого, т. е. личность по определению грамотная, не говоря об Алёше Поповиче: можно ли представить себе неграмотным поповского сына. Дальше – больше: оказывается, тема книги и чтения чрезвычайно широко представлена во всех мировых религиях. Мифы разных народов мира честь изобретения письменности отдают богам. Представлена эта тема и в героическом эпосе Западной и Северной Европы, Средней Азии и т. д. Но ведь и фольклор не замыкается только сказками. Без книжного сюжета не обходится ни одно агиографическое произведение, однако и отречённые произведения, вплоть до чернокнижия, нельзя оставить без внимания. А что по этому вопросу можно почерпнуть из оккультных наук, еретических и прочих маргинальных произведений? Для науки ведь всё это равно интересно.

Короче говоря, благодаря досуговому чтению я вышел на новое научное направление всемирного масштаба: поиск истоков книжной культуры. В этом году вышла почти 60-листная (это 500 страниц формата А4) монография «Истоки книжной культуры», которую любезно согласился издать Челябинский государственный институт культуры, в своё время избравший меня своим почётным профессором. Предвижу большое будущее этого направления, оно сильно и совершенно по-новому обогатит книжную культуру, а тем самым и историю культуры вообще.

Недавно новым взглядом перечитал «Тараса Бульбу». И тоже сделал для себя открытие: глубинный-то смысл этого произведения в том, до чего доводит себялюбие и анархия. Запорожская вольница – только фон для подтверждения этой вечной проблемы.

Не знаю, насколько типична моя читательская история и биография. Но сам я ею доволен, меня она полностью устраивает. Удручает единственное: ещё так много хотелось бы прочесть и так мало времени для этого осталось...

Ю. Н. Столяров

20.07.2018